

Анна
Чернова

СИБИРСКОЕ ЛЕТО

нас (не) вернет

Анна Чернова

Сибирское лето нас (не) вернет!

«Автор»

2026

Чернова А.

Сибирское лето нас (не) вернет! / А. Чернова — «Автор», 2026

— Я хочу общаться с сыном!— Зачем? Ты прекрасно жил без него все эти годы.— Я не знал! – Влад начинает злиться.— Или не хотел знатьНи к чему это. Он привяжется к тебе, а ты снова уедешь в Москву. Тебе ведь не впервой оставлять все ненужное, – ядовитые слова слетают с губ легко. Я хочу сделать ему также больно, как он сделал мне десять лет назад.— Уеду. И заберу его с собой!***Десять лет назад Семенов уехал, украв мое разбитое сердце. А теперь он собирается забрать самое дорогое, что у меня есть!Напрасно ты вернулся! Сибирское лето нас не вернет!

© Чернова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Анна Чернова

Сибирское лето нас (не) вернет!

Глава 1

Почти сутки в моей голове пульсирует только одна фраза: “Какого черта! Какого черта? Какого черта...”

С того момента, когда раздался звонок с незнакомого номера посреди совещания и незнакомый голос сообщил, что Семенова Тамара Всеволодовна скончалась утром, а похороны послезавтра...

Сразу вспомнилось, что последний раз я разговаривал с матерью два месяца назад. Она сказала: «Владик, приезжай, мне нужно тебе кое-что рассказать». А я буркнул, что перезвоню на следующей неделе. И не перезвонил. Ни на следующей, ни через одну...

Сильнее вжимаю педаль газа в пол и твержу сам себе: “Какого черта...”

Я в дороге почти сутки. Первым же рейсом улетел в Иркутск, там взял машину в аэропорту и вот уже шесть часов несусь в родные пенаты.

Дорога сужается, лес становится гуще, все чаще попадаются таблички с названиями, которые тупым ножом проходятся по сердцу, выуживая из памяти давно забытые эпизоды.

Только я их гоню прочь. Не время сейчас. Сейчас главное - успеть.

Хотя, какое к черту успеть! Я упустил момент безвозвратно... Мать не вернуть с того света. Не попросить у нее прощения... Не сказать ей, что люблю ее...

Стискиваю зубы и сжимаю руль. Мобильник давно сдох без зарядки, и это дополнительное испытание для меня – выпустить ситуацию из-под контроля, не иметь возможности руководить, направлять, требовать отчет и принимать решения.

Я зол на себя, что в суматохе забыл кинуть зарядку в сумку. И за то, что в аэропорту Иркутска среди ночи не оказалось магазина с приблудой для сотовых телефонов. И вообще я страшно зол на все и всех!

Покосившийся указатель “Капелановка” сообщает, что я достиг пункта назначения. Асфальтированная дорога заканчивается буквально через сто метров после указателя, и я веду старый джип по кочках и ухабам в сторону родительского дома, все сильнее сжимая зубы и старательно игнорируя вспышки воспоминаний.

Знакомый деревянный забор, поправленный и покрашенный синей краской без моего участия. Калитка с наваренной еще отцом бабочкой из железного прута, коричневый почтовый ящик рядом. Новый по виду. В прошлый раз его не было.

Хотя последний раз я был здесь лет пять назад?..

Торможу возле дома и несколько минут просто сижу, со странным щемящим чувством рассматривая двор отчего дома. Старая яблоня стала еще ниже, ветки под тяжестью первого урожая белого налива склоняются почти по земле.

В ушах вдруг раздается звонкий девичий смех, а макушка вспоминает прилетевший сверху удар мягкого подгнившего яблока. Кожа вмиг покрывается мурашками. Трясу головой, выметая ненужные мысли. Но память упрямо подкидывает картинку, где двое молодых людей жарко целуются под этими самыми ветками старой яблони... А ведь мы просто прятались от деда Михея, чтобы не получить солью из его ружья по задницам, когда стащили у него бутылку с медовухой...

Прогоняю картинку из прошлого. Толкаю дверь и выхожу из машины во влажный и прохладный вечерний воздух сибирской деревни. Нажимаю ручку на калитке и громкий скрип несмазанных петель лупит по ушам, возвращая меня в сегодняшний день.

Пока шагаю к дому, машинально отмечаю, что двор не зарос бурьяном, а в дальнем конце двора появилась лавочка и навес.

Ступеньки деревянного крыльца жалобно стонут под моим весом. На секунду замираю перед распахнутой настежь дверью и решительно ныряю в полутемное помещение сеней.

В доме пахнет не так, как я запомнил. Вместо запаха свежей выпечки и чая с чабрецом нос неприятно щекочет холодный и как будто сырой воздух стылого помещения. Слышу негромкие женские голоса из зала. Я знаю, что увижу там гроб с телом матери. И вроде как готов к этому. Но сердце все равно делает болезненный удар и замирает при виде совершенно седых волос и абсолютно спокойного умиротворенного лица женщины, которая меня родила.

— Владик приехал, – слышу я оханье.

— Посиди, сынок, простишь. Мы выйдем.

Я не вижу лиц этих женщин, не знаю, это соседки или кто. Я вообще не знаю, остановилось ли время в этот момент, или, наоборот, ускорилося в десятки и раз и пролетело секундой. Где-то на краю сознания мелькает запах — ромашка? — и тут же пропадает. Не знаю, был ли он. Может, память издевается.

Мама сильно постарела за эти пять лет.

Прости, мам, что не приехал раньше...

Когда выхожу на улицу, там почти стемнело. Слышу тихий разговор женщин, которые переместились на лавочку в конце двора.

— Тамарочка так мучилась, даже хорошо, что во сне отошла.

— А чего сын ее не отправил в столицу лечиться? Или за границу? Вроде он бизнесмен у нее серьезный?

— Чем серьезней бизнесмен, тем меньше дела им до родственников. Не знаешь что ли? Они за деньги душу продают, – от укора в голосе женщины под ложечкой начинает неприятно сосать. Потому что правда всегда колет.

— Ну это мать все-таки...

— Мать его. А ходила за ней Танюшка. Кормила, мыла, ночами не спала, когда Тамаре плохо было. Если бы не Танька — мы бы Тому еще три года назад похоронили.

— Надо же. После всего, что он ей устроил, — вздыхает второй голос.

— А где, кстати, Танечка?

— Отправила ее домой поспать. Сама не своя девка, как Влад приехал. Видела, как смерть побледнела?

— Чего испугалась?

— Да кто его знает? Может, боится, что сынок Тамары дарственную на дом будет оспаривать?

— Тома отписала дом на Танюшку?

— Вроде да. Таисия Львовна как-то говорила, что нотариуса вызывала. Но что там да как на самом деле, кто его знает...

— Да при чем тут дом. Ты что, не поняла? Она его до сих пор...

Слышать этот разговор мне жутко неприятно, поэтому нарочно громко наступаю на скрипучие доски крыльца. От шума голоса сердобольных сплетниц мгновенно затихают.

А у меня к ним один вопрос: Танюшка - эта та самая Танюшка, о ком я думаю?

И сам не знаю, хочу ли услышать подтверждение своим догадкам.

Возвращаюсь в дом. Прохожу в кухню за водой, и вдруг замечаю на подоконнике стопку книг с закладками. Возле раковины – кружку с остывшим чаем. На столе, покрытом клеенкой с цветочками – тонометр и картонные упаковки от таблеток, с наклеенными яркими стикерами.

Набираю стакан воды из-под крана, выпиваю залпом и выхожу из кухни. В темной прихожей спотыкаюсь обо что-то – женские тапочки...

Пока я проводил совещания и закрывал сделки — Таня кормила мою мать с ложки и подписывала ей таблетки по часам.

Та самая Татьяна, которой я десять лет назад сказал, что она и эта деревня — это все, от чего мне нужно избавиться, чтобы стать кем-то...

Глава 2

Таня

Половина третьего ночи, а я всё сижу на бабушкиной кухне с чашкой остывшего чая и слушаю, как старые ходики на стене отстукивают секунды. Из комнаты доносится тихое ровное сопение — Митька спит, беззаботно раскинувшись на всю кровать. Хорошо быть девятилетним пацаном, у которого завтра самое страшное — контрольная по математике, а не похороны единственной бабушки.

Надо лечь, надо хотя бы попытаться заснуть — завтра хоронить тётю Тому, и мне нужны силы, а не опухшее лицо и красные глаза. Но стоит закрыть веки, и перед ними сразу разворачивается одна и та же картинка: серый джип тормозит у синего забора, к дому шагает высокая тёмная фигура.

Я узнала его раньше, чем увидела лицо. Наверное, я побледнела, потому что Зинаида Петровна тронула меня за локоть и зашептала что-то про валерьянку, но я уже ничего не слышала. В ушах зазвенело, пальцы похолодели, и единственное, о чём я могла думать, — мне нужно уйти. Прямо сейчас, пока он не вошёл и не увидел меня.

Я успела выбежать из дома за секунду до того, как Влад вошёл. Перебежала через огород Нины Фёдоровны, чуть не навернулась в грядку с огурцами и очнулась только у своей калитки, когда прижалась спиной к забору и наконец выдохнула. Позорище какое — взрослая женщина, фельдшер, которую вся деревня уважает, скакала через чужой огород от мужика, которого не видела десять лет.

А потом поняла, что испугалась не только за себя.

Потому что Митька — вылитый отец. Те же серые глаза, тот же упрямый подбородок, та же привычка наклонять голову набок, когда слушает. Любой, кто видел Влада хотя бы раз, посмотрит на моего сына и всё поймёт. Капелановка, конечно, давно всё поняла и перемолола мне кости, но деревня — это одно, а Влад Семёнов собственной персоной — совсем другое.

Тётя Тома знала с самого начала. Когда я пришла к ней с круглым пузом, она долго молчала, потом вздохнула и сказала: «Ну что стоишь, дочка, садись, чай стынет.» Ни намёка на осуждение я ни разу не видела в её взгляде. С того дня взяла надо мной негласное шефство — то банку варенья принесёт, то детские вещи откуда-то достанет, то вместе с моей ба посидит с младенцем, пока я бегая по вызовам. Когда Митька подрос и стал называть её бабой Томой, она расплакалась прямо за столом и махнула рукой — мол, соринка в глаз попала.

Она так и не рассказала Владу. Я просила не рассказывать, и она обещала. Хотя вижу — последние месяцы это обещание давило на неё всё сильнее. «Танюшка, — начинала она осторожно, — может, всё-таки надо бы...» И я каждый раз обрывала: не надо. Ему не нужна была я — зачем ему мой сын?

Ставлю чашку в раковину и шлёпаю босиком в комнату. Заглядываю к Митьке — раскрылся, конечно, одеяло скомкано в ногах. Поправляю, убираю мокрую чёлку со лба. Во сне он выглядит совсем маленьким, хотя по росту уже догоняет ребят, которые на год старше. Порода Семёновых — все рослые, широкоплечие, упёртые, как бараны. Тётя Тома смеялась: «В деда пошёл, в моего батьку — тот тоже в девять лет телка мог удержать за рога.»

Отбрасываю лоскутное одеяло на своей кровати и со вздохом смотрю на стопку медицинских карт, которые я так и не разнесла по пациентам. Завтра обязательно сделаю. Когда переживу похороны.

Ложусь, натягиваю одеяло до подбородка и дышу — вдох на четыре счёта, выдох на шесть. Так я учила тётю Тому, когда у неё подскакивало давление от волнения. «Танюшка, — хрипела она, сжимая мою руку, — зря ты влюбилась в моего оболтуса, дочка. Весь в отца

пошёл. Тот тоже всё в город рвался, карьеру строить, а жену с годовалым сыном бросил и даже не обернулся.»

Она всегда так ворчала — вроде бы осуждая сына, а сама ждала его каждый день. Вздрагивала от звука машины на дороге, на каждый праздник, когда ещё ходила, накрывала стол для гостей — а вдруг Владик приедет, а у меня даже пирога нет? Пирог черствел, Владик не приезжал, и я молча убирала лишнюю тарелку, делая вид, что не замечаю, как тухнут её глаза.

Зато Митьку она обожала так, что иногда мне казалось — она через внука любит того сына, которого потеряла. Рассказывала про деда и прадеда, и Митька слушал, раскрыв рот, и задавал тысячу вопросов. Про отца он спрашивал только один раз — лет в шесть, когда в садике дети стали хвастаться папами. Я сказала, что его папа живёт далеко и не может приехать. Митька кивнул и больше не спрашивал, только с тех пор при слове «папа» в детских глазах мелькало что-то неуловимое.

Переворачиваюсь на бок и утыкаюсь взглядом в телефон на тумбочке. Там наверняка сообщение от Игоря — он всегда пишет перед сном что-нибудь вроде «Спокойной ночи, Тань, я рядом». Обычно от этих слов внутри делается тепло и спокойно, и я засыпаю с телефоном в руке. Когда мы начали встречаться, я сразу сказала ему про Митьку. Игорь тогда сказал, что пацан в семье - это классно, а на следующую встречу принёс Митьке набор для выжигания по дереву. С тех пор они не разлей вода — рыбалка, строгание, дрови, от которых Митьку трясёт, а Игорь объясняет по третьему кругу и не раздражается.

Сегодня не хочется читать сообщение Игоря. Перед глазами всплывает другое лето, другой вечер и другая я. Тощая, восемнадцатилетняя, с веснушками на носу и толстой русой косой через плечо. Влад тогда приехал на каникулы, от него пахло одеколоном, а не сеном, как от наших деревенских мальчишек. Я бегала за ним хвостом с четырнадцати лет, он это знал, да и вся деревня знала, и мне было наплевать. Но в то лето он вдруг посмотрел на меня другими глазами: «Танька, это ты, что ли? Ну ничего себе!» Одной фразы хватило, чтобы я пропала окончательно.

Всё лето мы не расставались. Купались в речке за Кривой балкой, таскали медовуху у деда Михея, целовались под старой яблоней, и я была так безумно счастлива, что просыпалась среди ночи и щипала себя за руку — вдруг снится. А потом, в середине августа, Влад предложил остаться ночевать у него, когда тётя Тома была на смене на элеваторе. И сделал меня женщиной.

Я верила — это навсегда. Я верила, что есть «мы».

А через неделю в Капелановку нагрянули его институтские друзья, среди которых была красивая девушка с короткой стрижкой. Она смотрела на Влада так, как смотрят на свою собственность, и он меня с ними не познакомил.

Накануне его отъезда под той яблоней, где мы всё лето целовались, я спросила, что будет дальше.

— Тань, ну ты же понимаешь. Здесь нет будущего. Мне нужно вычеркнуть всё это, чтобы двигаться дальше!

Всё это — деревню, мать, дом. И меня.

Я не заплакала. Я вообще ему ничего не сказала. Просто развернулась и убежала домой, и пролежала в своей комнате двое суток. Бабушка приносила чай и не задавала вопросов — она всё поняла без слов.

А через два месяца, когда разумных объяснений задержки уже не осталось, я поехала в райцентр и просидела сорок минут в туалете районной поликлиники, глядя на заключение гинеколога и пытаюсь вспомнить, как дышать. Мне было восемнадцать, я жила с бабушкой на её пенсию, учиться уезжала через месяц, а отец моего ребёнка вычеркнул меня из своей жизни вместе с деревней и забором.

Бабушка, когда я вернулась и всё рассказала, ни секунды не колебалась: «Рожай, Танюшка. Мы справимся.» И мы справились. Я училась в медучилище с пупом, потом с мла-

денцем на руках, который ночами орал так, что соседи по общежитию строчили жалобы коменданту. В конце концов бабушка с тетей Томой приехали и забрали Митю в деревню, а мне наказали спокойно учиться и стать лучшим сельским доктором. Пять дней в неделю я училась по утрам, а по вечерам подрабатывала санитаркой, а на выходные неслась в Капелановку, чтобы за два дня успеть наобниматься с перемазанным ягодами счастливым Митькой.

Позвонить Владу и сообщить про беременность мне тогда даже в голову не пришло. Человек, который вычёркивает из жизни мать и девушку ради карьеры, вряд ли обрадуется незапланированному ребёнку от деревенской. Я и сейчас так думаю.

С того лета минуло десять лет. Я выучилась на фельдшера, похоронила бабушку, вернулась в Капелановку, вырастила сына и почти избавилась от этого тупого, ноющего ощущения под рёбрами.

Утром натягиваю чёрное платье, которое надевала четыре года назад на бабушкины похороны, повязываю тёмный платок и долго разглядываю себя в мутном зеркале прихожей. Бледная, под глазами тени. Ну и ладно. На кладбище красавицей быть необязательно.

Митьку я оставляю у Люды вместе с ее пацанами, сунув всем троим по бутерброду и строго наказав сидеть во дворе и не лезть на забор. Митька хмурится — он хочет на похороны, он любил бабу Тому, — но я качаю головой, и он не спорит. Знает мой взгляд, когда спорить бесполезно. У Люды за калиткой притормаживаю и тихо цежу ей на ухо: «Если Влад Семёнов вдруг появится рядом — Митьку ему не показывай.» Люда сжимает мне руку и кивает, ничего не спрашивая. Она единственная, кроме тёти Томи, кто знает всю историю целиком.

У кладбищенской ограды уже полдеревни. Зинаида Петровна с Ниной Фёдоровной в первых рядах, куда ж без них. Все обнимают меня. Странно так — я тёте Томе не родня, а соболезнования все мне высказывают, а не сыну.

Влад бросает на меня удивлённый вопросительный взгляд, но я отступаю за спины соседей, стараясь спрятаться от него. Это глупо и по-детски, я прекрасно это понимаю, но ничего с собой не могу поделать. Мне двадцать восемь лет, я взрослая самостоятельная женщина, которую уважает вся округа, а при виде Влада Семёнова превращаюсь обратно в ту тощую дурочку, которая верила в любовь.

Батюшка из соседнего села читает молитву, женщины всхлипывают, Зинаида Петровна причитает громче всех, хотя при жизни с тетей Томой через день скандалила из-за межи. Я стою молча, стиснув зубы, и слёз нет — своё я отплакала вчера.

Народ начинает расходиться от могилы, и я понимаю, что нужно уходить, пока толпа ещё прикрывает.

Но едва разворачиваюсь в сторону выхода, как меня окликает знакомый до боли голос.

— Таня? — в голосе Влада смесь недоумения и узнавания.

Он, что же, не узнал меня? Меня вдруг такая злость едкая охватывает, что не могу сдержаться. Расправляю плечи и снимаю платок, давая волосам рассыпаться по плечам, и вижу, как у него дёргается желвак на скуле и расширяются зрачки.

— А что, я так сильно изменилась? — спрашиваю, и сама удивляюсь, откуда в моём голосе эта язвительность. Внутри всё ходит ходуном, а снаружи — ни единой трещины, потому что за десять лет я научилась прятать всё личное.

Он не успевает ничего сказать.

— Танюшка! — Люда возникает рядом, подхватывает меня под руку. — Пойдём, Петрович нас до дома подбросит.

Она уводит меня, и я затылком чувствую его взгляд так отчётливо, будто он приложил ладонь к моей шее.

Уже в машине у Петровича, когда кладбище пропадает за поворотом, разжимаю кулаки и замечаю на ладонях четыре красных полумесяца от собственных ногтей — глубоких, почти до крови.

Игорь не успел вернуться из командировки к похоронам. Позвоню ему вечером и скажу «да». Хватит выжидать непонятно чего. Мне двадцать восемь лет, у меня есть надёжный мужчина, который любит моего сына и ни разу за полгода не заставил нас с Митькой ждать и гадать. И я выберу его — ради себя и ради Митьки, ради нормальной жизни, где никто не скажет, что мы для него — «всё это», от чего нужно избавиться.

Глава 3

Влад

После поминок расходятся медленно. Бабы моют посуду, мужики курят у забора, и я торчу среди них — чужой в собственном дворе.

Узнаю Петровича с лесопилки, он утешительно хлопает меня по плечу. С ним его сын - Санька, с которым мы в детстве обносили смородину и алычу на краю деревни, а потом драпали от деревенских баб, которые надеялись успеть собрать на варенье до нас.

Дед Михай, совсем уже древний, еле ходит с палочкой, суёт мне бутылку своей медовухи и бормочет: «Помяни мать, Владик, хорошая была женщина. Не заслужила она так.»

Не заслужила — чего? Умереть? Или умереть, пока сын её занимался в Москве бизнесом вместо того, чтобы приезжать к ней почаще?

Жму руки на автомате. Голова гудит от бессонницы и самогона, который Петрович подливал не глядя. Женщины убирают со стола и переговариваются вполголоса, думая, что я не слышу. А я слышу — каждое слово.

— Танюшку жалко. Столько лет за Тamarой ходила, а он даже спасибо не скажет.

— Скажет, куда денется. Мужик он вроде не совсем пропащий, просто дурной.

— Дурной-то дурной, а Танька опять вся белая. Как бы мальчишку это всё не задело.

— Типун тебе! Митька же у Людки остался...

Фразы цепляются друг за друга, но картинка не складывается, и я не переспрашиваю — не хочу, чтобы бабы знали, что я подслушиваю. Они и без того смотрят на меня как на подсудимого.

К вечеру двор пустеет. Сажу на крыльце, допиваю медовуху деда Михея и думаю о Тане. О том, как она стянула платок на кладбище, и волосы упали на плечи, и у меня перехватило дыхание — а я даже не сразу понял, что это она.

Танька Мельникова, простая соседская девчонка с косой, превратилась в женщину, от которой невозможно отвести глаза. И эта женщина три года кормила мою мать с ложки, пока я строил империю из бетона и денег.

Совість грызёт так, что медовуха не помогает.

Хотя — если честно — я ведь ей ничего не обещал тогда. Мы просто встречались одно лето, нам было хорошо, но я никогда не клялся в вечной любви и не надевал ей кольцо на палец. Мне было двадцать два, ей восемнадцать, и впереди у меня была Москва, институт, стажировка, весь огромный мир за пределами Капелановки. Я хотел вырваться из нищеты, в которой задыхался всё детство, и вырвался. Разве это преступление?

Преступление — то, что я сказал ей на прощание. Вот это я помню хорошо, хотя десять лет старался забыть. «Мне нужно вычеркнуть всё это.» А ведь она тоже была частью этого «всего». Можно сколько угодно убеждать себя, что я имел в виду деревню и нищету, но Танька-то услышала другое. И правильно услышала, если уж совсем перестать врать самому себе.

Встаю, ополаскиваю лицо холодной водой из рукомойника на крыльце и иду к ней. Зачем — сам толком не знаю. Извиниться? Поблагодарить за мать? Или просто посмотреть на неё ещё раз, потому что не могу выкинуть из головы ее волосы, рассыпавшиеся по плечам?

Дом Мельниковых на другом конце деревни — маленький, потемневший от дождей, с резными наличниками, которые покрасили свежей краской. За низким забором виден двор: натянута верёвка, и Таня развешивает бельё, привычно перекидывая через плечо мокрые простыни. На ней выцветшая майка и старые джинсы, волосы убраны в хвост, и она так сосредоточена на своём занятии, что не сразу замечает меня у калитки.

—Тань... — зову я, а взгляд почему-то фиксируется на ярких детских футболках.

Таня вздрагивает и перехватывает мой взгляд. Мне кажется, что она бледнеет. Таня сдёргивает футболки с верёвки и швыряет в пластиковый таз у ног.

— Чего тебе? — бросает она, не оборачиваясь, и развешивает следующую простыню прямо поверх оставшейся детской одежды.

— Поговорить хотел, — отвечаю, толкая калитку.

— Не о чем нам разговаривать, Семёнов. И мне некогда.

— Тань, я хотел сказать спасибо. За мать. За то, что ты для неё...

— За мать — это к ней на могилу, — обрывает, всё так же не поворачиваясь. — Я для неё делала, а не для тебя. Если тебе нужно что-то по дому или по документам — обращайся к Таисии Львовне.

Каждое слово — как щелчок по носу, точный и обидный. Руки у неё двигаются быстро, прищепки клацают, простыня хлопает на ветру, и я стою как дурак в чужом дворе, и меня накрывает злость. Десять лет в столице и управление собственной компанией наложили свой отпечаток. Я не привык, чтобы со мной так разговаривали. Особенно, если я пришел с миром.

— Ладно, — цежу, разворачиваясь. — Извини, что побеспокоил.

И тут из дома вылетает мальчишка.

— Мам, кто там? Игорь приехал? — голос пацана обрывается, и на меня таращатся светлые глаза.

— Нет, это... просто человек, дорогу спрашивал. Иди в дом, Мить.

Мальчишка щурится, и что-то в этом прищуре неуловимо знакомое. Не могу понять, откуда, но ощущение такое, будто я уже видел это лицо с упрямым подбородком и изучающим взглядом.

— Мить, в дом! — голос у Тани дрожит или мне снова кажется?

Пацан пожимает плечами и скрывается за дверью. Таня хватает таз с детскими футболками и тоже уходит, и дверь за ней закрывается с глухим стуком.

Стою у калитки и пытаюсь собрать в голове то, что только что увидел. У Тани сын? Может, у нее еще и муж есть?

Хотя это вполне нормально, что за эти годы она замуж вышла. Интересно, за кого? За Леньку Шувалова?

Бабы на поминках трещали про Танюшку, но так, будто она одна, ни слова про мужа. А мальчишке на вид лет девять? Что ж, она недолго тосковала по мне...

От этой мысли неприятно зудит в груди. Иду обратно к дому матери, и в голове крутится лицо пацана. Кого-то он мне напоминает? Шувалова? Нет, не то...

В доме тихо и пусто. Вчерашний холод ушёл — бабы днём протопили печку, и теперь в кухне пахнет дровами и чуть-чуть — маминой шарлоткой, которая намертво въелась в стены за полсотни лет. Открываю шкафчик в поисках стакана и нахожу на полке зарядку от телефона. Вроде современная. Забываю, что хотел выпить воды, проверяю и с облегчением обнаруживаю, что разъем моего мобильного подходит к зарядке.

Втыкаю шнур в розетку, подключаю свой мертвый «Самсунг» и жду. Через пять минут экран оживает, и на него начинают сыпаться уведомления — пропущенные звонки, сообщения, письма. Рабочий мир, от которого я оторвался на двое суток, напоминает о себе разом и безжалостно.

Семнадцать пропущенных от Кристины. Два от секретаря. Одно голосовое от тестя — будущего тестя, поправляю себя мысленно, хотя Аркадий Волконский давно ведёт себя так, будто я уже его собственность.

Набираю Кристину. Она снимает после первого гудка.

— Влад, наконец-то! Двое суток без связи! Я уже думала, придется тащиться за тобой в эту глушь.

— Телефон сел.

— А купить новый ты не мог? Я тут вся извелась, у нас послезавтра ужин с Красновыми, ты же помнишь? Ты когда вылетаешь?

Конечно, помню! Подписание контракта на жилой комплекс в Подмосковье, который Волконский-старший ведёт через свою компанию и который я должен строить. На кону космические деньги, и мне нужно сидеть в ресторане и улыбаться людям, которых я едва знаю, через день после того, как похоронил мать.

— Не знаю пока, — цежу сквозь зубы. — Только похоронили сегодня. Нужно с домом разобраться.

— Какой дом? Влад, оставь эту развалюху и не морочь голову! Папа и так недоволен, что ты сорвался без предупреждения.

Оставь развалюху. В этой «развалюхе» я вырос. Здесь моя мать пекла шарлотку, ждала меня к каждому празднику и умерла одна, потому что единственный сын был слишком занят ужинами с красновыми-сосновыми и иже с ними.

— Кристин, я успею, — обрываю разговор, и в моём голосе что-то такое, от чего она замолкает.

Нажимаю отбой и кладу телефон на стол. Странное ощущение — будто я только что разговаривал с человеком из другой жизни, хотя мы вместе уже несколько лет и свадьба назначена на сентябрь. Красивая, умная, образованная, из влиятельной семьи.

Кристина — как страйк в боулинге. Всё правильно, всё так, как я выстраивал с двадцати лет, когда решил, что вырвусь из Капелановки и стану кем-то.

Стал. Вырвался. Построил. И вот сижу в материнской кухне, где пахнет детством, а во рту — привкус горечи после разговора с собственной невестой.

Отодвигаю телефон и тру лицо ладонями. Надо выспаться. Сейчас голова вообще не варит.

Засыпаю на старом диване в зале, не раздеваясь, и последние мысли перед тем, как провалиться в сон, Танин мальчишка. Где же я его видел?

Мысль вертится на самом краю сознания, дразнит и ускользает, и я засыпаю, так и не поймав её.

Глава 4

Таня

Всю ночь не сплю. Лежу, уставившись в потолок, и слушаю, как Митька бормочет во сне в соседней комнате. Обычно от этого бормотания мне делается спокойно — мой мальчик рядом, в безопасности. А сегодня от каждого его вздоха сжимается что-то внутри, потому что Влад видел Митьку. Стоял в пяти метрах от собственного сына и пялился на него, и вопрос в том, сложил он уже два и два или ещё нет.

К шести утра бросаю попытки заснуть, варю кашу и сажусь за стол с кружкой крепкого чая. Нужно дожидаться Игоря — он обещал приехать сегодня к обеду.

Митька просыпается к восьми, выползает на кухню, лохматый и сонный, утыкается мне лбом в плечо и бурчит: «Доброе утро».

— Доброе утро, сынок. Иди умывайся, завтрак готов.

— Мам, а тот дядька, который вчера приходил — он подозрительный, — вдруг выдает сын, задумчиво ковыряя кашу и выбирая из нее изюм. Он всегда так делает — сначала съедает любимые ягодки, а потом уже расправляется с кашей.

— Почему? — как можно безразличнее уточняю я, хотя пульс в этот момент подскакивает под 150.

— У нас же одна дорога, и она тупиковая. Куда тут заблудиться?

Девять лет, а соображает как взрослый. Семёновская порода, чтоб её.

— Ешь давай, остынет, — увожу разговор, и Митька пожимает плечами, но по глазам вижу — не поверил. Он вообще чуткий, мой сын, ловит фальшь на раз, и я каждый раз удивляюсь, откуда в девятилетнем пацане столько интуиции. Уж точно не от меня — я в свои восемнадцать не разглядела очевидного.

После завтрака отправляю Митьку гулять, а сама берусь за уборку — мою полы, перетрахиваю бельё, чищу плитку. Пока руки заняты — мысли хотя бы не скачут по кругу, и можно делать вид, что всё под контролем.

Игорь приезжает, когда я вытаскиваю ведро с грязной водой на крыльцо. Его тёмно-зелёный УАЗ Патриот, тормозит у калитки, и Митька, который гонял мяч за домом, несётся через двор с криком: «Игорь! Ты привёз?!»

Игорь выходит из машины и вытаскивает из-за спины свёрток: «А то! Набор напильников, как обещал. Будем табуретку доделывать.»

Митька сияет так, что у меня сжимается сердце. Вот то, что я хочу для своего сына. Мужчина, который приезжает и привозит не дорогие игрушки, а набор напильников, потому что они вместе строгают табуретку и это для Митьки важнее любого планшета.

Игорь идёт ко мне и обнимает.

— Как ты? — спрашивает тихо, заглядывая мне в лицо.

— Нормально, — отвечаю и отвожу глаза. — Похоронили. Вся деревня пришла.

Митька уже разворошил свёрток и теперь тащит Игоря за рукав к сараю, где у них мастерская — верстак, пара стамесок, банка лака и недоделанная табуретка.

— Идите уже к своей табуретке, — улыбаюсь я и машу в сторону сарая. — На обед позову.

На кухне режу лук, картошку, ставлю кастрюлю на плиту. Через окно вижу, как Игорь и Митька склонились над верстаком, и Игорь что-то показывает, а Митька кивает сосредоточенно, прикусив язык от усердия — привычка, которую он подхватил от тёти Томи. Она тоже всегда прикусывала язык, когда месила тесто.

Суп уже почти готов, а когда я выхожу на крыльцо позвать их обедать, то замираю на верхней ступеньке.

У калитки снова стоит Влад. Только в этот раз он пялится не на белье, а на Игоря. У него на лице такое выражение, как будто он увидел привидение. Или врага.

Игорь поднимает голову от верстака, и я вижу, как у него каменеет лицо. Он выпрямляется во весь рост, отряхивает ладони о джинсы и делает шаг к калитке.

— Ларин? — произносит Влад, и в его голосе столько всего, что у меня перехватывает дыхание. Удивление, недоверие и что-то ещё, похожее на предупреждение.

— Семёнов, — отзывается Игорь без улыбки. — Давно не виделись.

Они знакомы?!

— Не ожидал тебя здесь увидеть, — цедит Влад, засовывая руки в карманы.

— А я вот — ожидал, — Игорь чуть наклоняет голову. — Жаль, что понадобились похороны.

Замечаю, как Влад стискивает кулаки в карманах спортивных штанов. Только драки мне здесь не хватало!

Шагаю вниз по ступенькам, встаю между ними, хотя никто меня не просил.

— Мить, иди мой руки, обед готов.

Митька нехотя откладывает напильник и уходит в дом, но оборачивается через плечо и с любопытством разглядывает Влада. Тот ловит его взгляд и снова щурится, и я буквально вижу, как в его голове что-то проворачивается, но пока не встаёт на место.

— Обживаешься, значит, — Влад кивает в сторону верстака, и в его голосе звенит что-то острое. — Хозяйничаешь.

— А тебя это каким боком касается, Семёнов? — Игорь отвечает без злости, но с такой уверенностью, как будто это и вправду его территория.

— Тань, зайду попозже, — Влад переводит на меня взгляд, и я чувствую, как от этого взгляда начинает гореть лицо. — Нам всё-таки нужно поговорить.

— Мне не о чем с тобой разговаривать, — повторяю то же, что вчера, но голос предательски садится на последнем слове.

В глазах у Влада мелькает то ли злость, то ли раздражение. Он разворачивается и уходит, не оглядываясь. Провожая его взглядом и понимаю, что ладони мокрые.

Игорь подходит сзади и кладёт руку мне на плечо.

— Пойдём обедать, — его голос спокойный, будто ничего не произошло. Будто минуту назад они с Владом не были готовы другу другу морды набить. И как будто он совсем не чувствует напряжения, которое чуть ли не искрит в воздухе.

За обедом Митька трещит про табуретку и напильники, Игорь обещает сходить с ним на рыбалку. Всё так, как должно быть в нормальной семье.

Когда Митька убегает к Сашке Ковалёву смотреть новых щенков, Игорь отодвигает тарелку и упирается локтями в стол.

— Тань, Митька — его сын?

— Это неважно, — отмахиваюсь, поспешно вставая из-за стола и собирая тарелки. — Какая разница, чей он биологически? Влад не имеет к Митьке никакого отношения. Не имел и не будет иметь.

— Тань.

— Что?

— Я не осуждаю. Я просто хочу понимать, с чем мы имеем дело.

— Мы ни с чем не имеем дело. Он приехал на похороны, разберётся с делами и уедет обратно в свою Москву.

Вечер сегодня тянется, как резиновый. Игорь все никак не уходит. Теперь он чинит петлю на калитке, которая скрипела с весны. Он сегодня молчалив, и это давит. Наблюдаю за ним и ловлю себя на мысли, что должна сейчас выйти, сесть рядом и сказать: «Да, Игорь. Я выйду»

за тебя.» Момент правильный — тихий вечер, мы вдвоём, слова уже готовы, и нужно просто открыть рот.

Но язык не ворочается. Будто присох к нёбу. Будто всё моё тело знает то, что голова отказывается признавать.

Игорь заканчивает с калиткой, проверяет — больше не скрипит — и поднимается, вытирая руки о тряпку.

— Все готово.

— Спасибо, Игорь, — обычно я всегда угощаю его и чаем перед тем, как он уходит, но сегодня забываю о нашем маленьком ритуале напрочь.

Между нами опять повисают несколько мгновений тяжелой тишины, которую разрушает хлопок калитки.

— Четыре щенка! – кричит Митька и бежит к нам. — Мам, может возьмем одного,а? У нас же нет собаки, двор охранять некому.

— Давай завтра поговорим об этом, хорошо? А сейчас иди мыться и ложимся спать, – треплю сына по непослушным вихрам.

— Пока, Игорь. И спасибо еще раз за напильники! – Митька жмет руку Игорю, как настоящий мужчина, и исчезает в доме.

— Спокойной ночи, Тань, я пойду, — прощается Игорь.

— Спокойной ночи, — отвечаю я. Калитка за ним закрывается бесшумно, смазанная им петля больше не доводит никого до сердечного приступа своим пронзительным ржавым стоном.

Стою во дворе одна, слушаю, как заводится мотор уазика и шуршат шины по дороге, и думаю о том, что хороший человек только что ушёл от меня через калитку, которую сам же и починил, а я даже не поцеловала его в щёку, как обычно делаю. И о том, что они с Владом знакомы, а Игорь мне об этом не рассказывал.

Ложусь спать и вспоминаю Митькин голос: «Мам, у нас же одна дорога, и она тупиковая. Куда тут заблудиться?»

Никуда, сынок. Тут действительно некуда деться.

Глава 5

Влад

Ларин. Вот уж кого я не ожидал встретить в Капелановке, так это его.

Иду от Таниного дома по деревенской улице, и ноги сами набирают скорость, будто хотят убежать от того, что я только что увидел.

Ларин во дворе у Тани с напильником в руках, рядом с мальчишкой, который зовёт его по имени и ждёт, как ждут своих. Ларин, который наклоняет голову и цедит: «Семёнов. Давно не виделись» — с таким лицом, будто это он здесь хозяин, а я забрёл на чужую территорию.

Вспоминаю, как четыре года назад мы схлестнулись на тендере по жилому комплексу в Тушино. Хороший был проект — двадцать два этажа, подземный паркинг, благоустройство, бюджет жирный, заказчик надёжный. Моя компания к тому моменту уже три года работала на московском рынке, и я шёл на этот тендер уверенно, с сильной командой и проработанной сметой. А потом появился Ларин со своим ООО «Ларстрой» и влез в процесс на последнем этапе, когда все уже решили, что контракт мой.

Тендер я выиграл. Но крови Ларин мне попортил столько, что победа далась тяжелее, чем должна была. Он копал под мою смету, находил нестыковки, забрасывал заказчика запросами, затягивал процедуру — и всё это с таким спокойным, вежливым лицом, от которого хотелось бить стену кулаком. Ларин из тех людей, которые никогда не повышают голос, всегда правильно одеты и всегда знают, куда ударить, чтобы было больнее всего.

После объявления результатов мы столкнулись в коридоре. Я протянул руку — без задней мысли, по-мужски, мол, без обид. Ларин руку пожал, но не отпустил, а придержал на секунду и негромко бросил: «Пользуйся, Семёнов. В следующий раз я буду впереди. И в каждый следующий — тоже.»

Я тогда хмыкнул и не придал значения. Мало ли кто что болтает после проигранного тендера. А потом начало происходить странное. Два проекта подряд, на которые я подавал заявки, ушли конкурентам при загадочных обстоятельствах. Третий сорвался на этапе согласования — заказчик вдруг передумал и выбрал другого подрядчика. Я поначалу списывал на невезение, рынок, кризис. Пока Серёга не раскопал, что за каждым из этих провалов торчали уши Ларина — то он перехватывал субподрядчика, то выходил на заказчика раньше, то скидывал цену до неприличия, работая себе в убыток, лишь бы я не получил контракт.

Это была не конкуренция. Это была война. Или месть. Только я вообще не понял, за что. Ларин держал слово: каждый раз, когда я нацеливался на что-то стоящее, он оказывался впереди.

Контракт с Красновым для меня сейчас — вопрос выживания. Жилой комплекс в Подмосковье, инвестор серьёзный, а выход на него — через Аркадия Волконского, отца Кристины. Без этого ужина завтра контракт уплывёт, а вместе с ним сгинет и моя компания, которая последний год держится на характере и упрямстве, а не на деньгах.

Захожу в дом, плотно закрываю дверь и сажусь за кухонный стол. В голове колотится одна мысль: какого чёрта Ларин делает в Капелановке? Примерно год назад Ларин пропал с радаров, и я, признаться, чуть выдохнул. Потому что чертовски устал в этой гонке. Я уже и думать о нем забыл, а он, оказывается, здесь.

Купил участок, строит дом — ладно, допустим. Сибирь большая, мест полно. Но он оказался именно здесь, именно в моей деревне, именно рядом с моей... рядом с Таней.

Разум нашептывает противным голоском, что Таня — свободная женщина, она может встречаться с кем хочет. И Ларин может покупать участки где угодно. И то, что они оба здесь — чистая случайность. Только я давно перестал верить в случайности, особенно когда речь идёт о Ларине.

Что, если он специально выбрал Капелановку? Что, если это очередной ход в его тихой войне — забрать у меня мое...

Снова внутренний голос нудит, что Таня никогда и не принадлежала мне, если уж быть честным.

Отгоняю эту мысль. Звучит по-идиотски, даже для меня. Ларин — расчётливый бизнесмен, а не злодей из сериала. Он не стал бы переезжать в глухую деревню и ухаживать за женщиной только ради того, чтобы насолить мне. Это паранойя, Семёнов, завязывай. Мы с Таней вообще друг другу никто.

Но руки всё равно сжимаются в кулаки, когда я вспоминаю Игоря рядом с Таней.

Хватит. Мне нужно в Москву. Ужин с Красновым завтра, и если я его пропущу, Волконский мне этого не простит, а Ларин — тот уж точно не упустит шанс подобрать то, что я оставляю.

Набираю секретаря.

— Лена, мне нужен билет на ближайший рейс из Иркутска в Москву. И забронируй ресторан для ужина с Красновым на завтра.

— Владислав Андреевич, ближайший прямой — завтра в шесть утра. Есть ночной через Новосибирск, прилетает в девять.

— Бери ночной. И предупреди Серёгу, что я буду утром.

Кладу трубку и начинаю собираться. Обхожу дом, закрываю окна, проверяю печку. В комнате матери задерживаюсь — кровать аккуратно застелена, на тумбочке очки в старомодной оправе и потрёпанная записная книжка матери. На автомате бросаю ее в сумку с вещами.

Запираю дверь на ключ и иду к соседке.

— Нина Федоровна, я уезжаю, вот деньги. Сделайте, пожалуйста, все, что нужно на девять дней, — протягиваю соседке конверт с деньгами и ключ от дома.

— Владик, так ты Танюшке отдай деньги. Она все организовывала. Поминки тоже будет она делать, — охает старуха.

— Опаздываю я. Передайте сами, пожалуйста.

— А ты-то приедешь на девять дней? — пожилая женщина берет конверт, а в ее взгляде читаю явное неодобрение.

— Я постараюсь.

Не ожидая напутствий, спешу к машине.

До Иркутска шесть часов. Если выеду сейчас, буду к полуночи, успею на ночной рейс. Завтра утром — Москва, душ, чистая рубашка, ужин с Красновым, контракт. Всё вернётся на свои места, и Капелановка снова станет точкой на карте, которую я буду вспоминать раз в полгода с лёгким чувством вины.

Завожу двигатель и трогаюсь. Боковым зрением вижу, что Нина Федоровна провожает осуждающим взглядом. Зачем-то делаю крюк и проезжаю мимо Таниного дома — свет горит на кухне, за занавеской мелькает тень. Она или мальчишка, не разобрать.

Давлю на газ. Деревня остаётся позади, дорога уходит в лес, и чем дальше я еду, тем злее становлюсь. На Ларина, который обживаетея в моей деревне. На Таню, которая выбрала моего врага — хотя она об этом, скорее всего, понятия не имеет. На мать, которая так и не рассказала мне то, что хотела рассказать.

На себя — за то, что еду в Москву, вместо того чтобы... а вместо чего? Что я тут сделаю? Останусь в деревне, буду ходить за Танькой и выяснять, от кого у неё папан? Какое мне дело вообще?

За окном темнеет, фары выхватывают из темноты редкие берёзы и покосившиеся столбы. Где-то через час дорога вливается в трассу, и я наконец набираю скорость. Телефон мигает входящим — Кристина. Сбрасываю. Потом перезвоню.

Через три часа, когда за окном уже глухая ночь и глаза слипаются от усталости, останавливаюсь на заправке, выхожу размять ноги и вдруг ловлю себя на том, что стою и гляжу в сторону, откуда приехал.

Охватывает странное ощущение, что внутри что-то сдвинулось, и я никак не могу вернуть это на место. Сажусь обратно в машину, выезжаю на трассу и еду в сторону аэропорта, уговаривая себя, что через сутки всё забудется.

А перед глазами — пацан на крыльце: «Мам, это Игорь?» И Танин голос, в котором дрожала каждая нота: «Иди в дом, Мить.»

Глава 6

Таня

Влад уехал. Нина Федоровна утром принесла конверт с деньгами и ключ.

— Решил откупиться деньгами, вместо того, чтобы нормально скорбить по матери, — она поджимает губы, всем своим видом показывая негодование.

— Теть Томе уже все равно, — сама не знаю, чего это я защищаю Влада.

Забираю конверт и бросаю его на тумбочку в прихожей. Мне неприятно держать в руках деньги Семенова. Как будто он действительно откупился, причем от меня.

— Ну? Полегчало? — спрашивает Людка, которой я сообщила об отъезде Влада, когда она забежала ко мне в обед.

— С чего бы мне полегчать? — буркаю, не поднимая головы от карточки пациента.

— С того, что Семёнов свалил, и ты перестанешь белеть каждый раз, когда калитка скрипнет.

Не отвечаю. Люда вздыхает, допивает чай и уходит, напоследок сжав мне плечо. Она знает, когда лучше не давить.

А у меня внутри — каша. Влад уехал, и нужно бы выдохнуть, только почему-то не выдыхается. Вожу ручкой по листку и ловлю себя на том, что злюсь. На Влада — за то, что вообще приехал и разворошил всё, что я десять лет утрамбовывала. И на себя — за то, что его отъезд вызывает не облегчение, а глухую тоску, в которой стыдно признаваться даже подушке.

Ближе к вечеру приходит Игорь. Митька бросает свой кубик Рубика и виснет на нём, и Игорь треплет его по макушке, а на меня смотрит внимательно, оценивающе, будто проверяет — целая или уже посыпалась.

— Семёнов уехал, — бросает он, усаживаясь на табуретку и вытягивая длинные ноги. — Ненадолго его хватило.

Митька убегает во двор, и мы остаёмся одни. Я собираюсь с духом и всё-таки спрашиваю:

— Игорь, откуда ты его знаешь?

Он отпивает чай, ставит чашку и трёт переносицу — привычный жест, когда ему не хочется отвечать.

— Пересекались по работе, — отвечает спокойно, но что-то в его лице меняется, будто он аккуратно задвигает ящик, в который мне не стоит заглядывать. — Это давно было.

— Ты знал, что здесь жила его мать?

— Я купил участок, потому что он мне понравился. Деревня не принадлежит Семёнову, как бы он себя ни вёл.

Формально он прав. А у меня внутри зудит ощущение, что он чего-то недоговаривает.

— Ладно, — бросаю, понимая, что больше ничего из него сегодня не вытяну.

— Тань, приходите ко мне в субботу, — меняет тему, и голос теплеет. — Кухню закончил, есть на чём готовить и куда сесть. Митьке ножовку купил новую. Будем скворечник делать.

Когда он уходит, долго сижу, обхватив колени, на Митькиной кровати, пока тот чистит зубы в ванной. Игорь — хороший и надёжный. Митьку любит, меня ждёт, не давит, не требует, не исчезает на десять лет. Нужно просто сказать ему «да» — и у моего сына появится нормальная семья с мужчиной, который всегда рядом.

Но язык не ворочается, и я сижу, пока Митька не выходит из ванной и не плюхается рядом.

— Мам, а мы к Игорю пойдём, да?

— В субботу.

— У-у-у, долго ещё...

Обнимаю его мокрую макушку, вдыхаю запах детского шампуня и закрываю глаза. Ради тебя, Мить, я должна перестать ковыряться в прошлом и начать жить.

Дом Игоря стоит на краю Капелановки, ближе к лесу. Когда он купил этот участок год назад, здесь был заросший бурьяном пустырь с остатками фундамента. Сейчас — двухэтажный дом из бруса, ещё пахнувший свежим деревом, с широкой террасой, выходящей прямо на сосновый бор.

Игорь встречает нас у калитки, подхватывает Митьку и тащит показывать новую кухню. Всё красиво — деревянные столешницы, тяжёлые табуреты, которые они с Митькой делали вместе, на подоконнике три глиняных горшка с базиликом. Пахнет лаком и хлебом — Игорь испёк что-то к нашему приходу, и Митька уже тянется к противню, обжигая пальцы.

Готовим ужин втроём: Игорь режет мясо, я делаю салат, Митька таскает огурцы из миски и делает вид, что помогает. Обычный вечер, обычная субботняя кутерьма, и мне бы расслабиться и впустить это тепло, но в груди что-то мешает, торчит поперёк, как острая заноза.

После ужина Митька засыпает на диване в гостевой комнате, не дотянув до конца мультика. Укрываю его пледом, выключаю планшет и тихо выхожу на террасу, где Игорь уже разлил вино.

Вечер тёплый, в лесу перекликаются птицы, на перилах террасы мерцает свеча в стеклянной банке, и всё это так красиво и правильно.

Игорь протягивает мне бокал, я делаю глоток и опускаюсь в кресло рядом с ним. Вино терпкое, густое, хорошее — Игорь всегда выбирает хорошее вино, хорошие книги, хорошие инструменты. У него всё хорошее, включая его самого, и любая нормальная баба на моём месте уже давно бы жила в этом доме и просыпалась рядом с этим мужчиной. Игорь с самого первого дня стал объектом мечтаний всех незамужних женщин округа, а он выбрал меня.

— Красиво тут у тебя, — бормочу, глядя на тёмные верхушки сосен.

— Для вас строил, — отзывается он тихо, и от этих двух слов у меня перехватывает горло.

Я знаю, что Игорь давно ждет близости. Наверное, пора перестать заставлять его ждать.

Допиваю вино, ставлю бокал на перила, и Игорь поворачивается ко мне. Свеча мерцает, и в жёлтом свете его лицо мягче и моложе, и морщинки у глаз почти не видны, и он смотрит на меня потемневшим взглядом. Я позволяю ему наклониться и поцеловать меня.

Губы у него тёплые с привкусом вина, и целуется он так же, как делает всё остальное — уверенно и бережно. Я закрываю глаза и заставляю себя отдаться чувствам, но в груди ничего не замирает, и даже мурашки упрямо сидят в своих норках и даже не думают не то что бежать, даже ползти.

Игорь тем временем увлекает за собой в дом, и я иду за ним.

Потому что мне двадцать восемь лет уже! Давно пора это сделать! Мои ровесницы уже третьего рожают, а я до сих пор не могу переступить через порог чужой спальни.

В комнате полутемно. Игорь целует меня снова, и я отвечаю, и его руки скользят по моей спине, пока я вдруг не понимаю, что у меня в голове — не Игорь. В голове — старая яблоня, август, запах медовухи и сильные руки, от которых я теряла разум в восемнадцать лет. И тело не откликается, потому что передо мной не тот мужчина.

Упираюсь ладонями Игорю в грудь. Чувствую, как под моими пальцами колотится его сердце.

— Прости, — шепчу. — Я не могу. Прости, Игорь.

Он опускает руки, отступает на шаг и кивает, и лицо у него спокойное, только желваки перекатываются на скулах.

— Это из-за него, да? — спрашивает Игорь, и в его глазах мелькает что-то, от чего мне становится не по себе.

— Я пойду к Митьке...

Выскакиваю из спальни и скатываюсь по лестнице, шлёпая босыми ногами по ступенькам. В гостевой Митька спит, раскинувшись по всему дивану, и я ложусь на краешек и лежу с открытыми глазами, ругая себя за слабость.

Рядом с Игорем мне тепло и спокойно. С Владом все наоборот — с ним было жарко, страшно, головокружительно и больно. И вот эта дурацкая, ненужная, разрушительная разница между «тепло» и «жарко» не даёт мне жить уже десять лет.

Мне нужно было сейчас сказать Игорю “да” и заняться с ним любовью! А вместо этого думаю о том, что Семёнов, наверное, уже летит в Москву, к своим контрактам и успешной жизни. Что через неделю он забудет снова про Капелановку.

А я так и останусь здесь с заплаткой на сердце и мужчиной наверху, которого я не заслуживаю.

Глава 7

Влад

В Москве все как всегда. Серое небо нависает над городом тяжёлым мокрым полотном, машины ползут по Садовому кольцу сплошной блестящей лентой, дворники торопливо размазывают по стеклу воду. После сибирской тишины здесь слишком шумно, слишком тесно до черта много людей.

Именно так, как я люблю.

Именно так, как сам для себя когда-то выбрал.

Лена встречает меня в аэропорту с папкой документов и чистым костюмом в чехле.

— Ужин через два часа, — сообщает она вместо приветствия. — Краснов подтвердил.

— Отлично.

Пока машина выбирается из пробки, я успеваю просмотреть документы, ответить на письма и созвониться с Серёгой. Привычный ритм быстро затягивает меня обратно. Цифры, проекты, сроки, подрядчики, деньги — всё то, чем была заполнена моя жизнь последние десять лет.

Постепенно начинает казаться, что Капелановка осталась где-то в параллельной реальности вместе со старым материнским домом, запахом свежескошенной травы, кладбищем на окраине деревни и Таней.

Она очень изменилась. Повзрослевшая, уставшая и красивая...

Раздражённо отбрасываю эту мысль.

Смерть матери что-ли так подкосила и сделала меня сентиментальным? Хватит.

Десять лет прекрасно жил без воспоминаний. Проживу и дальше.

Кристина тоже на встрече, она — правая рука отца. Выглядит как всегда безупречно. Платье цвета слоновой кости подчёркивает стройную фигуру, волосы собраны в гладкий узел, на губах идеальная улыбка.

Она обнимает меня и подставляет щёку для поцелуя.

— Выглядишь ужасно, — успевает шепнуть на ухо.

— И я рад тебя видеть, — так же тихо отвечаю я.

Она поправляет мой воротник и возвращается к своему салату. Никаких разговоров о матери, соболезнований и вообще сантиментов. Когда-то именно это меня в ней и привлекло.

Мы никогда не лезли друг другу в душу. И никогда не требовали большего друг от друга, чем могли дать.

Здоровуюсь с Волконским с Красновым и включаюсь в привычную игру: шутки на грани, разговоры о рынке, строительстве, экономических тенденциях и перспективах. Я беру переговоры в свои руки, Краснов и не замечает, как расслабляется и начинает доверять и воспринимать меня как человека, с которым можно иметь дело.

К десерту мы ударяем по рукам. Жилой комплекс в Подмоскowie мой — два года работы, серьёзные деньги, спасение для компании, которая последний год балансировала на грани. Краснов жмёт мне руку и говорит, что рад иметь дело с мужиком, который держит слово. Волконский поднимает бокал за скорую свадьбу и за плодотворное сотрудничество, а Кристина под столом находит мою руку и легко сжимает — её пальцы холодные и тонкие, с идеальным маникюром.

Я получаю то, к чему шел последние десять лет.

Только почему внутри так пусто?

— Поехали ко мне, отметим наш успех, — слегка охрипшим голосом говорит Кристина, когда мы садимся в машину после ужина.

Её квартира на Патриарших выглядит как картинка из дорогого журнала. Здесь всё идеально: свет, мебель, вид из окна.

Кристина сбрасывает туфли, наливает вино и подходит ко мне.

В её глазах азарт победителя. Она целует меня, и я отвечаю. Мы раздеваемся на пути в спальню, и всё идёт как всегда — мы вместе уже два года и изучили друг друга вдоль и поперёк.

Только перед глазами у меня золотистые волосы, растрёпанные ветром, едва заметные веснушки на носу, упрямый взгляд и запах ромашки, который преследует меня с того момента, как я вошёл в материн дом.

— Ты где-то не здесь, — замечает Кристина потом, закуривая тонкую сигарету у приоткрытого окна. — Весь вечер сам не свой. Это из-за матери?

— Устал, — отрезаю я. — Дорога вымотала.

Она тушит сигарету и открывает ноутбук — Кристина не из тех, кто копается в чужих чувствах. Ей это неинтересно. Ей вообще мало что интересно, кроме себя самой, и раньше меня это устраивало, я считал наши отношения идеальными. А сегодня впервые за два года эта идеальная жизнь кажется мне душной.

Следующие дни кручусь, как белка в колесе. Совещания, документы, объекты, переговоры с субподрядчиками по новому комплексу.

А в один из вечеров, когда приползаю домой, натыкаюсь взглядом на дорожную сумку, которую так и не распаковал после приезда. Вытряхиваю содержимое на кровать и выхватываю взглядом незнакомую вещь — записную книжку матери. Беру ее, а оттуда выпадает старая фотография, где я — первоклассник, стою возле школы с огромным букетом астр. Вихры на голове, насупленный взгляд. Невольно улыбаюсь, а потом меня как ошарашивает.

Я ведь видел этот взгляд исподлюбья! Во дворе у Тани!

Пульс ускоряется до шума в ушах.

Да не может быть!

Меня правда подкосила смерть матери, поэтому и мерещится всякая хрень.

Отбрасываю фотографию на кровать, поднимаюсь и подхожу к окну. Мысли роятся, как стая встревоженных ос.

Сколько лет Таниному сыну?

Девять? Десять? Мы были с ней в августе, и если она родила в мае, то...

Не даю фантазии разгуляться. Мне вообще не свойственно строить догадки, я привык верить фактам.

Как назло в памяти всплывает последний звонок от матери.

— Владик, приезжай. Мне нужно тебе кое-что рассказать...

Нет, так дело не пойдет. Мне нужны ответы, а не догадки и гипотезы. Если я сейчас ошибаюсь, то выставлю себя полным идиотом.

А если не ошибаюсь...

Об этом я даже думать не хочу. Телефон оказывается в руке раньше, чем я принимаю решение.

— Лена.

— Да, Владислав Андреевич?

— Мне нужен билет до Иркутска.

— Когда?

— Сегодня.

Я отключаюсь и ещё долго стою у панорамного окна. За стеклом переливается огнями ночная Москва. Город, ради которого я когда-то оставил все лишнее позади.

А перед глазами почему-то снова стоит старый деревянный дом на окраине Капелановки.

Я хочу получить ответы от Тани. И если мои догадки окажутся правдой...

Тогда мы поговорим совсем по-другому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.